

О Горьком.

Мы все любим Горького. Всякое феем этой картины были младен- сказанное им хорошее честное слово чески темные народные массы, не волнует наше сознание, находит от- сознающие своих задач, не сознаю-клик в наших сердцах. И в равной щие причины гнета, чувствующие со же мере болезненно волнует нас всех сторон зверскую жестокость и каждый неверный, фальшивый, сами зверски жестокие. враждебный нам шаг Горького.

Мы любим Горького. Но с течением Детство, годы скитаний, годы ум- времени у него все больше неверных ственного самоопределения наполни шавов. Для того, чтобы нашу любовь Горького жгучей ненавистью к зве- к большому писателю Горькому спа- ринной бессмысленности жизни. Про- сти от мелких уколов повседневных чтите хоть несколько страниц из то- бестактностей Алексея Максимови- го, что он написал в эту пору и вы- ча Пешкова, нужно понять его; по- почувствуете, как болезненно чутко- нять и дух его творчества и движу- воспринимал он несправедливость, щие кружины его сегодняшнего по- как гневно он протестовал против- ведения. Понимаемся понять.

Горький вышел на общественную сознание необходимости активно вос- арену в черную годину всеобщей восстать против подлости и безмыс- приниженности, поголовной обезли- ленности жизни. Но кто восстанет? ченности девяностых годов. Револю- Молодого, влетающего в бурной жиз- ционный подъем, связанный с разлю- ни класса—пролетариата,—Горький- чинской интеллигенцией разгромлен; не заметил. Человечество казалось- часть этой демократической интел- ему сплошной серой массой, рядовой- лигенции ушла в Сибирь, в Шли- серый человек—вместилищем всяче- сельбург, часть «определилась к мес- ских подлостей. Этой серой челове- сту», нашла работу, вступила в по- ческой массы он не сумел разбить на- лосу обывательского уюта. Буржуа- социальные пласты. Отсюда—презре- зия, «умовлетворенная» завоевания- ние к среднему серому человеку. От- ми в средней Азии, твердыми ценами сюда—влюбленность в сильного от- на расейскую пшеницу,—ни о ка- цепенца, порвавшего связи с серым- кой революционности не думала,— человеческим обществом. Отсюда— наоборот,—смотрела на царизм вера в Человека с большой буквы и- влюбленными глазами. Рабочий безверие в человечество, состоящее- классе лишь пробуждался, лишь пре- из маленьких человечков. Отсюда— тирал глаза. В России царствовал- бодрая песнь о Соколе, под которой- стонущий покой кладбища. Общест- скрывалось щемящее душу отчаян- венная жизнь развивалась лишь- ное сознание, что в мире царствуют- непременно к подлости Плева, Победоносцевых и Суворовых. А уж, что уж непобедимы. Вся поэ-

зия Горького этой поры быть может тем то особенно и волнует наше сердце, что в ней отчаяние, ужас перед ужасами, твердо забронированы броней дерзкого, гордого вызова этим ужасам. Он приказал своей поэзии верить в соколов, хотя сам чувствовал неподбедимость ужей.

Это была поэзия героизма, отчаяния.

Это был буревестник в эпоху, когда безветрие казалось бесконечным.

Поэтом какого социального слоя был Горький в эту пору? По нашему мнению, он был поэтом всех слоев и прослоек, враждебных царизму, но никому в отдельности он не принадлежал. Его вера в сильного отщепенца была лишь отражением политической неорганизованности *всех* этих оппозиционных элементов. Отсутствие организации восполнялось верой в сильного бунтаря.

Горький был поэтом всех демократических элементов 90-х годов. И общественная жизнь того времени и его поэзия слагались из двух нот: глубокое отчаяние, ужас перед твердыней победоносцевской реакции и эффектированная вера в что то сильное, что разрушит эту твердыню.

Надвигался пятый год. Волна общественной жизни неукротимо шла в гору. Процесс классового самосознания, самоутверждения, политической и идеологической размежевки был в полном разгаре. Правдолюб и правдоискатель — Горький не мог стать в стороне от этого процесса. Горький тоже самоопределился. Горький стал социал-демократом. Но каким образом он стал социалистом?

Горький к социализму, — если можно так выразиться, — пришел не в

широко открытые двери, а в окно. Социализм Горького родился не из процесса повседневной классовой борьбы, классовых обид, и классовой солидарности, пафос его социализма, не из священной классовой ненависти, — как говорил Бебель (характерно, что мы даже не можем представить, чтобы Горький мог сказать эти Бебелевские слова), — нет, — поиски «общечеловеческой» правды, поиски «честных» людей, с точки зрения честности и человечности вообще, т. е. с точки зрения добренькой мелкобуржуазной морали, — вот что сделало его социалистом. И это же самое делало его связь с подлинным социализмом непрочной и чрезвычайно хрупкой. При первом же столкновении исторической правды социализма с добренькой, ограниченной тупой «правдой» моралистов-обывателей Горький неизбежно должен был терять связь с социализмом и оставаться на почве обывательской «справедливости». Но не будем торопиться с выводами и иллюстрируем подробнее его пришествие к социализму.

Горький поет песню товарищу

«Среди мрачной суеты и несчастья, в судорожной схватке жадности и нужды, в тине жалкого себялюбия, по подвалам домов, где жила беднота, создававшая богатство города, невидимо ходили одинокие мечтатели, полные веры в человека, всем чужие и далекие проповедники возмущения, мятежные искры далекого огня правды. Они тайно приносили с собой в подвалы всегда плодотворные, маленькие семена простого и великого учения и то сурово, с холод-

ным блеском в глазах, то мягко и любовно *сеяли* эту ясную, жгучую правду в темных сердцах *людей-рабов*, людей, обращенных силою жадных, волею жестоких, в слепые и немые орудия наживы (подчеркнуто везде нами).

Фальшь этих слов является первопричиной десятков отдельных фальшивых поступков любимого нами писателя. Носителями социализма для него являются мечтатели, всем чужие и далекие, сеющие неправду социализма среди пролетарских масс, а не сами эти массы, в горниле своих страданий и борьбы создающие правду социализма и передовиков, носителей этой правды. Горький так и не сумел понять социализм, как творчество класса, воспевав его, как мечту интеллигента пропагандиста. Он столкнулся с добавочным, интеллигентским крылом рабочего движения, не почувствовав, не изучив подлинного, массового пильса этого движения.

Особенно болезненно чувствуется этот отрыв от почвы в произведении «Мать», — возвышенная поэма великого, честного горьковского сердца. Как поэма сердца, она волнует нас, натягивает все струны нашего общественно-го сознания. Но как картинка рабочей жизни, она слащава, фальшива, местами комична. В этой книге много возвышенной поэзии, борьбы за правду, прекрасны облик марксистской революционной интеллигенции, правдивы портреты анархически-эсеровских бунтарей, но нет ни одного живого рабочего из тех, которые создали нашу партию, российское рабочее движение.

Трагическое положение, — быть певцом непонятого. И Горький часто впадает в это положение.

Годы войны. Праволоб — он не мог не быть безошибочным врагом кровавой грязи «освободительной» войны. Но у него не получилось совпадения настроения с правоверным большевизмом, что значит с подлинным революционным интернационализмом. Он остался в рядах интеллигентской, «новожизненной» группы неприятия войны, неприятия певцов войны — международного меньшевизма.

Год исторического перелома — 1917 год. Для Горького это год трагического столкновения непреложной, исторической правды классового движения с «правдой» ограниченного, мелкобуржуазного морализма. Вы знаете, что певец Буревестника остался на почве мелкобуржуазного морализма. Он не впадал в бульварный вой озверелых мещан против коммунизма, для этого он был слишком строг к себе и слишком честен в рамках своей идейной ограниченности. С тем большей силой клеймил он нас, как представителей азиатского варварства, делающих дело несогласное, с выношенной им, Горьким, «своей» «правдой» честного моралиста-обывателя.

Горький был и остался чужд пониманию классового характера нашего движения. Горький был и остался ограниченным, хотя и великим в своей ограниченности, честным правдолюбом. Жестокая правда классовой необходимости для него осталась чуждой и чужой.

Есть у Горького особый, выстраданный и в общем невытравимый «пункт» мн... это горячее

убеждение, что каждый крестьянин, более или менее зверь. Меня лично особенно волновало его интервью в «Накануне», где он, взяв на себя роль ворона истории, предрекал все-российский потоп крестьянской анархии и звериной злобы, которая по его мнению захлестнет обессилевший рабочий класс нашей страны.

Чуткий человек,—он не хотел понять тех глубоких изменений в массовой психологии крестьянства, которые создало наше бурное время.

Больно и обидно это *нежелание понимать*. Но оправдываемо: Горький видел крестьянина в 90-х годах.

Как же относиться к «выступлениям» Горького? Не лучше ли задать вопрос: как относиться к Горькому вообще? До сих пор мы слишком легкомысленно говорили о Горьком: наш! И когда пришедший к нам

А. Франс, или Б. Шоу, не понимая нас, говорили о нас несправедливые обидные вещи, мы обижались в десять раз меньше, чем от подобных же слов Горького. А на самом деле разницы между Горьким и Франсом нет. Горький тоже «пришедший» и пришедший по линии интеллигентских попутчиков.

Горький не наш. Горький близкий нам человек. Так же близок, как А. Франс, Б. Шоу и сотни других интеллигентов, в ужасе отшатнувшихся от гниющего трупа буржуазии, но не вполне понявшие и нас.

Не наш, но близкий нам человек. Отсюда—наша любовь к нему. Отсюда—в то же время и горькое сознание, что он нас не вполне понимает, и едва ли когда вполне поймет.

Д. Богданов.